

Минда только собралась уйти, как Сун Чжэнь, проворно схватив ее за край одежды, с тревогой поднял голову:

— Мама, куда ты идешь?

Минда, увидев это, машинально хотела погладить его по голове, но, вспомнив о шишке, остановилась и терпеливо сказала:

— У мамы есть дела, ты иди отдыхай. Если завтра почувствуешь себя плохо, возьми несколько дней отпуска в академии, дома отдохни. Только не бегай слишком много, чтобы снова не удариться, это может быть опасно.

После этих наставлений стало ясно, что ее внимание в ближайшее время будет сосредоточено не на Сун Чжэне. Маленький Сун Чжэнь не успокоился, а, наоборот, почувствовал тревогу:

— Мама...

Но Минда не стала объяснять ему подробностей, лишь слегка погладила его по щеке, сказав «будь умницей», и, освободив край одежды, ушла.

Тан Чжао только что переехала в резиденцию принцессы, и теперь, когда Минда ограничила ее передвижения, не нужно было гадать, куда она отправится после ухода из бокового зала. Минда поспешила во двор Бегоний и действительно увидела ее там, занимающуюся боевыми упражнениями.

Прежний Сун Тин был искусен как в литературе, так и в военном деле, но нынешняя Тан Чжао была совершенно беспомощна в этом отношении. Сама она, конечно, была недовольна, но из-за различных обстоятельств, будь то в академии или в семье Тан, у нее не было возможности тренироваться — максимум, что она могла, это пройтись немного больше, но даже бег считался неприличным. Только в резиденции принцессы она могла тренироваться без ограничений.

Конечно, упражнения и потение были также способом выпустить эмоции, и прежний Сун Тин очень любил это.

Минда, зная это, не стала мешать, подождав, пока Тан Чжао не выдохнется. Затем она подошла и протянула ей платок, хотела похвалить, но, вспомнив, что нынешние мягкие движения Тан Чжао не идут ни в какое сравнение с прежними, не смогла этого сделать.

Тан Чжао не хотела с ней разговаривать, молча достала платок, вытерла пот и собралась уходить.

Минда снова схватила ее за рукав, но повторение одного и того же приема в короткий промежуток времени на этот раз не сработало.

Тан Чжао, не задумываясь, отдернула рукав и с раздражением обернулась:

— Зачем ты снова меня ищешь?!

Минда на этот раз почувствовала себя виноватой, ведь она действительно сосредоточилась на Сун Чжэне и забыла о Тан Чжао. Раньше такое было невозможно, ведь тогда Минда видела только ее, но сейчас...

Смешавшись, Минда все же подошла к Тан Чжао и объяснила:

— Не сердись, А-Чжэнь поранился, и я просто волновалась.

Тан Чжао не хотела слушать такие объяснения, чувствуя себя мелкой, раз ей приходится соревноваться с ребенком за внимание — хотя она действительно соревновалась, переживая, что в сердце Минды она уступила место этому ребенку. Она слегка отвернулась и спокойно сказала:

— Я знаю, он еще маленький, и тебе, как матери, естественно заботиться о нем.

Минда снова схватила Тан Чжао за край одежды, но на этот раз не для того, чтобы подлизаться, а чтобы та не ушла в гнев:

— Нет, ты не понимаешь, я волновалась за него, потому что боялась, что с ним что-то случится, и я не смогу объяснить это в будущем.

Тан Чжао перевела взгляд с захваченного края одежды и наконец посмотрела на Минду:

— Кому ты должна объясняться?

Минда сжала губы, не желая говорить, и вместо этого произнесла:

— Если я скажу тебе сейчас, что А-Чжэнь не мой родной сын, ты поверишь?

Тан Чжао пристально посмотрела на нее, затем с раздражением отвернулась:

— Я не верю, ты сама это признала.

Тан Чжао иногда проявляла упрямство и капризность, даже когда речь шла о принцессе, которую она так ценила. Или, возможно, именно потому, что она так дорожила Миндой, в некоторых ситуациях она становилась еще более требовательной и менее склонной к прощению.

Минда, глядя на закрытую дверь, с горечью вздохнула и, обернувшись, начала размышлять о своих поступках.

Десять лет способны изменить многое, и некогда наивная и беззаботная принцесса теперь уже не была столь простодушной. Она научилась быть расчетливой, хитроумной, идти на все ради достижения цели — у нее было много способов проверить Тан Чжао, много методов заставить ее признаться, но использование Сун Чжэня для этого было самым быстрым и эффективным, и она выбрала именно этот путь.

С каких пор она начала так хладнокровно манипулировать своими близкими? Но это не важно, важно то, что, вспоминая Сун Тина, который отдал за нее жизнь, как она могла быть столь «рациональной» в своих решениях?!

Еще утром она радовалась своим действиям, но теперь, стоя у двери Тан Чжао, Минда впервые почувствовала сожаление. Сожаление о том, что использовала такой метод, и сожаление о том, что сосредоточилась на Сун Чжэне, забыв о чувствах Тан Чжао.

Тан Чжао была для нее действительно важна, она помнила о ней все эти десять лет, но Сун Чжэнь тоже имел для нее особое значение.

Просто теперь Минда больше не была той, кто полностью посвящал себя одному человеку. Десять лет оставили на ней множество отпечатков: материнскую любовь к Сун Чжэню, ответственность за империю. Она разделила свое сердце на части, и Тан Чжао, занимавшая лишь одну из них, уже не была так важна, как раньше. И этот разрыв Тан Чжао вряд ли сможет принять быстро.

Минда долго размышляла, затем снова посмотрела на закрытую дверь и, наконец, ушла.

Тан Чжао, оставшись в комнате, тоже чувствовала себя беспокойно. Впервые она закрыла дверь перед Миндой, хотя раньше, обожая принцессу, готова была идти на любые уступки. Но теперь, видимо, она тоже не была столь важна для Минды.

В душе было кисло и горько, смесь печали и разочарования сжимала сердце.

После тренировки, вернувшись в комнату, Тан Чжао была вся в поту. Ей следовало бы принять ванну или хотя бы переодеться, но, закрыв дверь и сев за стол, она не стала этого делать, лишь задумалась, а уши невольно прислушивались к звукам за дверью — она слышала, как Минда ходит туда-сюда, как задерживается, а затем уходит.

Ее мысли все же были прикованы к человеку за дверью, но в итоге все вернулось к одиночеству. Когда она наконец очнулась, пот уже почти высох, а мокрая одежда прилипла к телу, вызывая холод в этот осенний день.

Зная, что все обернется так, она, возможно, действительно не должна была снова появляться перед Миндой.

Сун Чжэнь не пострадал серьезно, он просто случайно ударился головой, шишка выглядела устрашающе, но для ребенка такие ушибы — обычное дело. После обработки и наложения лекарства на следующий день он не почувствовал никаких проблем и решил пойти в академию.

Что ему оставалось делать дома? Если небо прольется дождем, а мать выйдет замуж, разве он сможет это остановить?!

Сун Чжэню уже девять лет, в семьях аристократов это уже не маленький возраст, и он уже многое понимал. Он знал, что мать еще молода, и что немногие принцессы всю жизнь оставались верны своим супругам, тем более что его родители так и не успели пожениться. Он думал, что однажды мать забудет отца и заведет любовника или даже выйдет замуж, но он не ожидал, что этим человеком станет Тан Чжао.

<http://bllate.org/book/15453/1370975>